

АРКАДИЙ МАРГУЛИС

ВИТАЛИЙ КАПЛАН

КОНКИСТА

МАНИЯ ГРЁЗ

Мания грёз

Аркадий Маргулис

Конкиста

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Маргулис А.

Конкиста / А. Маргулис — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Мания грёз)

ISBN 978-1-38-744103-7

Знаменитый профессор Хайме Пилар Пинто, медицинское светило, спешит в высокогорное местечко Параноес, расположенное в Колумбийских Андах, печально знаменитое высочайшим уровнем наследственной болезни Альцгеймера среди населения. Цель всемирно известного врача — выявить уникальное лечение страшного недуга, угрожающего всему человечеству. В доме одного из пациентов профессор обнаруживает старинную картину — точно такая же передаётся из поколения в поколение в семье самого профессора. На холсте портрет странствующего рыцаря, искателя приключений и богатств Перо Далипагича. Отчётливо оживают приключения авантюриста-конкистадора в Южной Америке, по удивительному стечению обстоятельств оказавшегося общим предком профессора и его пациента из Параноеса.

ISBN 978-1-38-744103-7

© Маргулис А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Аркадий Маргулис, Виталий Каплан	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Аркадий Маргулис, Виталий Каплан Конкиста

Пока борт IB-6583, снизившись, тянул к аэропорту, профессор Хайме Пилар Пинто разрывался между двумя искушениями. Первое – задремавшая у его плеча мадонна южноамериканских кровей, другое – иллюминарор, нацеленный на одну из противоречивейших южных столиц. Припасть к нему, обеспокоив даму, выглядело кощунством. Наслаждаться восхитительной округлостью, прижавшейся к локтю, грозило упустить сверкающие небоскребы, величественно-чопорные дворцы, особняки и весь старинный центр, выточенный в колониальном стиле. Хайме Пилар справедливо избрал женскую грудь. Полёты в Боготу случались намного чаще. Напоследок, в течение ещё получаса, пока самолёт не приземлился, профессор Хайме Пилар Пинто млеял от присутствия попутчицы. Мог ли не восхищаться ею мужчина, дождавшийся старости, никогда ранее не выдавший рядом женщины привлекательнее этой. В нём и впрямь пробудилось осознание единственного, неповторимого во все времена образа.

Встречал профессора расторопный ассистент, незаменимый на протяжении последних четырёх лет. Глаза его заразительно блестели: здесь либо новая подружка, либо неожиданное развлечение. Наблюдение профессора оказалось пророческим. Продолжение путешествия откладывалось на завтра. Сегодня бесстрашные рыцари Колумбии сразятся с быками-монстрами.

Корриду Хайме обожал и, хотя в юности сумел преобразовать природную агрессию во врачебное ремесло, отказать себе в удовольствии не смог.

– Эх, Альберто, а ведь наверху нас ждут пациенты, – сказал сокрушённо, протискиваясь в услужливо открытую дверцу автомобиля.

Тот картинно развёл руками, улыбаясь скорбно и виновато.

Стадион замер, изумлённый неистовством быка, не позволившего вогнать в свою холку ни единой бандерильи. Такое оскорбление могла утолить только кровь. Матадор спешился, обнажил мулету. Баритон профессора Пинто слился с многотысячным рёвом толпы, оценившей честь, достоинства и унижение рыцаря. Теперь ничто не мешало выбору. Смерть на острие шпаги торреадора, смерть на кончиках бычьих рогов. Первым разъярился бык, взрыл ногами песок и воздел фонтан пыли. Её подхватил налетевший порыв. Швырнул в глаза. Зрители скусились до мышиных размеров и с мерзким писком кинулись врассыпную. Костюм запорошило пеплом. Сначала Хайме почувствовал боль в ступнях, а уж после прочие горести пятилетнего пацана. Из ботинок на толстой подошве, подаренных как-то отцом, нога вовсе выросла, и трудно давался шаг. Мать, донна Каторса, в одежде чудом чистой, тащила за руку в сиротский приют. Единственный в городке и оттого зловещий. Отец сгинул, мать на глазах завертел водоворот жизни. Свободной рукой новоиспечённый сирота прижимал к себе полотно в искусственном обрамлении, писанное на века маслом. Свирепый взгляд кабальеро с холста сквозь очки сверлил неумытые улицы, расплавленные жарой, но кто он и откуда – не рассмотреть. Слишком извилист путь малыша. Выдернул руку, сел в пыль и содрал с себя башмаки. Донна Каторса бровью не повела, дождалась и потащила дальше. Втолкнула за ворота во двор и исчезла навсегда. Затем подошёл кто-то чужой, потрогал за локоть. Хайме обернулся – знакомые, но неузнаваемые черты лица. Испуг в глазах Альберто.

– Что с вами, Хайме... вам плохо? – спросил неслышно, увлекая за собой, и профессор пошёл, ощущая через носки горячую шербатость бетона. Присев на покинутое место, вдел ступни в обувь, брошенную под скамьей.

– Так, усталость. Привиделось вдруг, – объяснил он ассистенту, припоминая подробности. С ними не всё оказалось благополучно, с действительностью обошлось ещё хуже. Раж корриды ударил в уши, ранее будто защищённые непроницаемыми затычками, после исчезнувшими вмиг. На сей раз выпал особый случай, когда всадник обязан отомстить за оскорблённую честь. Торeadор, изготовив шпагу, как дирижёрскую палочку, вонзил острие в лоснящуюся шерсть. Бык зашатался, тяжело раздувая ноздри, вздрогнул и упал. Финал праздника увенчался благородным убийством. Всё, кровавую зарубку сгладит сон, затем начнётся конкиста.

Едва забушевало сражение за главенство в небе между солнечным диском и горными пиками, джип, управляемый Альберто, уже настырно покорял вертикальную географию колумбийских Анд. Путь профессора Пинто, невролога с мировым именем, лежал в городок Параноес, прижившийся на высоте, вряд ли доступной даже алчным конкистадорам средневековья. Загадочность поселения вменялась в вину жителям – несомненно, потомкам белых пришельцев, избравших столь неуютное место для печально помеченной оседлости. Обитатели Параноеса повально страдали наследственным недугом, рано или поздно превращающим их в слабоумных, испытующих нестерпимые физические страдания. Городок, вотчина болезни Альцгеймера, являл собою гигантский полигон, позволяющий пристально изучать её сокрушительную поступь. Проект, разработанный профессором Пинто, балансировал на грани врачебной этики. Деградация согласившихся на эксперимент носителей наследственной аномалии началась задолго до обнаружения первых симптомов и протекала незаметно. Поэтому применять опытные препараты предстояло заблаговременно, протестировав их на молодых людях. Именно молодёжь планирует завести семьи, детей. Многих ожидают десятки лет счастливой жизни, прежде чем генетический вирус разрушит их мозг. Но им предлагают рискнуть сейчас! Половине из отобранных – пилюли, остальным – плацебо, пустышку без лекарственных свойств, чей лечебный эффект связан лишь с верой страдальца в препарат. То ли русская рулетка, то ли барабан казино.

– Выше этого городка никто не живёт, – сообщил профессор истину, давно известную Альберто и прозвучавшую, как предсказание о неминуемости смертельного исхода. Но даже незначительная победа над всесильным недугом – первый ключ к триумфу: на кону миллионы продлённых жизней и миллиарды долларов.

* * *

Лошадь, раз за разом взбрыкивая и заодно отпугивая мух хвостом, понуро постукивала копытами об укатанный тракт земли басков. Что путнику на окольном пути – каменистом, запутанном, и всё же наезженном авантюристами разного толка? Зимние дожди превращали его в топь, летом дуновение ветра поднимало с обочин въедчивую пыль. Кабальеро, с виду иноземец, наверняка знал, что в одиночестве на испанских дорогах несдобровать. Прогоня кишели разбойниками, беглыми каторжанами и прочим сбродом. О том свидетельствовали скелеты вьючных животных вдоль тракта вперемешку с их несчастными погонщиками. Но взгляда всадника изпод поблёскивающих на солнце очков не выдержал бы и отчаянный злодей. Светлые волосы и жёстко-куцая бородка подчеркивали ужас скверной физиономии, каза-

лось, походя сеющей злобу и остервенелость. Вскоре путник приблизился к мосту, по дряхлости не уступающий римской постройке. К препятствиям топографическим добавлялись сущие каверзы на границах королевств. Арагон, Валенсия, Кастилия, Навара, Каталония – везде правил свой удельный царёк. Король, обычно охочий до чужих песо. Опытным взглядом путник определил на противоположном берегу – двое неуклюжих охранников не в счёт – «потеху». Она пребывала в образе упитанного португальского еврея, и, рассмотрев путешественника, необычайно оживилась: светлые волосы всадника выдавали чистопородного славянина, а одежда и лошадь – знатный род. То и другое предвещало неплохую поживу. Ошибка, дружок – бывает.

– Дворянин – заруби себе на носу, – от менторского баса путника, казалось, волосы на голове сборщика королевских налогов зашевелились и слиплись в гребни, – не должен никому, кроме Бога.

Еврей, к чести своей, сумев не выдать испуга, ответствовал надменным фальцетом:

– И короля.

– Какого такого короля? Перед тобой Перо Далипагич, высокородный дворянин из Боснии, – прорычал путник, впрочем, не имеющий на этот счёт ни единого подтверждения, – слишком много в последнее время развелось королей в Европе.

Впечатляющую крамолу слов усилило острие шпаги, взявшее на abordаж крючковатый нос сборщика налогов.

Немало наивных беженцев, пусть и не таких внушительных, стремилось поселиться в Испании и не платить налогов. Не тут-то стало. Охранники разделились, обходя всадника. Перо усмехнулся, если кто-нибудь осмелится назвать усмешкой волчий оскал берсерка ¹, готовящегося к атаке.

Охранник, заходящий слева, даже не успел рассмотреть свою смерть. Едва услышал тугой звон тетивы, когда арбалетный болт нарисовал лишнюю дырку в черепе. Второй вояка успел приподнять копьё, но Перо, ловко крутанув коня, оказался у него за спиной. Охранник удивлённо воззрился на острие шпаги, вышедшее из груди на дюйм, полюбовался рубиновыми каплями, бесславно сражавшимися с земным притяжением, и умер, не дождавшись результатов стычки.

Португалец скончался самостоятельно. Несчастный бросился с оголённым кинжалом на обидчика, но по неосторожности оказался так неловок, что напоролся на окровавленную шпагу.

В кошеле не в меру ретивого еврея оказалось с десятков реалов, чего, впрочем, хватало на первое время. «Весьма недурно» – подумал Перо, присоединяя королевского сборщика налогов к длинному списку освобождённых тем же образом истцов.

¹ Берсерк в древнегерманском обществе – воин, посвятивший себя богу войны Одину. Перед битвой берсерки приводили себя в ярость. В сражении отличались неистовостью, большой силой, быстрой реакцией, нечувствительностью к боли.

В список входили: безымянный секуляризатор² орденских земель, за ним некий знатный боснийский мусульманин, какая-то многочисленная община богомилов, отрицавшая частную собственность и благополучно её лишившаяся, взбунтовавшееся стадо крестьян, спаливших поместье своего господина, но на беду повстречавшее маневрирующего против турецких воинов рыцаря – сильно проредившего и ряды бунтарей и ряды турок. Список полагалось продолжить десятком-другим обманутых женщин, но и упомянутого вполне доставало, чтобы понять, отчего скромный дворянин из Боснии оказался в величественной испанской империи, на чьей территории никогда надолго не заходило солнце.

* * *

Двигатель гудел ровно, джип без напряжения взбирался выше и выше. Вскоре миновали андские туманы. За ними открылись просторы высокогорных равнин. В первозданности воздуха зрение обострилось, и можно было рассмотреть ближайшие, изнурённые штормовыми дождями вершины. Скопище облаков всевозможно тёмных оттенков придавало ландшафту загадочность.

² Секуляризация – изъятие чего-либо из церковного ведения и передача в светское ведение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.